

СПЕЦИФИКА НЕКЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е. И. Сурина

Использование философского понятия субъект предполагает рассмотрение человека в пределах определенной области его проявлений, а именно – как мыслящей и действующей единицы. В историко-философских исследованиях классическая модель субъекта эксплицируется посредством атрибуции ему транспарентности и суверенности (ДС). Транспарентность объединяет в себе способность субъекта к совершенной рефлексии над содержанием собственного сознания и способность на этой основе построить связный дискурс. Синонимом суверенности признается понятие автономии [2, 3]. Соотношение этих понятий основано на системе взаимных отсылок. Например, А. Рено определяет автономию как личную суверенность или «самоопределение самого себя в области мышления» [3]. В связи с этим в неклассических моделях субъекта акцентируется стремление опровергнуть легитимность атрибуции субъекту данных характеристик. Однако такой подход к дифференциации моделей субъекта не учитывает полисемантическую природу понятия субъект, а следовательно, упускает возможность провести разделительную линию классика-неклассика внутри самого термина, поскольку обоим типам моделей свойственен акцент на его конкретном значении.

Согласно исследованиям Э. Балибара, Б. Кассен, А. де Либера, значение французского понятия субъект (*sujet*) можно разделить на три группы в зависимости от преобладания идеи субъектности/предметности (*subjectité* , объединяет значение логического субъекта («то, о чем» высказывается предикат) и физического субъекта («то, в чем» существуют акциденции)), субъективности (*subjectivité* , акцентируется в противопоставлении субъекта и объекта, особенно при необходимости отделения сферы психического или ментального от сферы физического)) или подчиненности (*sujétion, assujettissement*). Такая полисемантическая привнесена двойной латинской этимологией: на основе существительного среднего рода *subjectum* (которое со времен схоластики используется наряду с *suppositum* как перевод аристотелевского *υποκειμενον*) и существительного мужского рода *subjectus* . Из первого исходит линия логико-грамматических и онтологически-трансцендентальных значений, из второго – линия юридических, политических и богословских значений. Внедрение концепта субъект в философский дискурс имплицировало формирование двух отдельных парадигм толкования субъекта. В первом случае акцентуация логико-грамматической и одновременно онтологически-трансцендентальной коннотаций термина приводит к приданию

субъекту статуса субстанциально сущего. В другом случае политико-юридическая коннотация понятия акцентируется в систематическом исследовании подчинения субъекта.

По мнению Э. Балибара и Б. Кассен, понятие субъекта, объединяющее значение понятий *mens humana* (человеческое сознание) и *subjectum* (субстанциально сущее), т.е. значения субъективности и предметности, было сформировано в трансцендентальной философии И. Канта. Главное свидетельство связи между кантовским понятием субъекта и схоластическим *subjectum* заключается именно в том, что называется «коперниканской революцией»: отныне категории, т.е. наиболее универсальные свойства, соответственно которым в актах суждения вещам приписываются предикаты, больше не представляют собой родов сущего, но становятся правилами мышления [1].

Классическую модель субъекта, представленную в трансцендентально-критической философии Канта, можно эксплицировать следующим образом: эта модель утверждает субстанциальность субъекта, которая раскрывается и обосновывается, во-первых, в признании субъекта источником смысла и утверждении единства сознания субъекта в качестве условия возможности всякого знания, во-вторых, в атрибуции субъекту автономии как основанной на самой себе нормативности, благодаря которой субъект подчиняется власти только имманентного, установленного разумом закона.

Модель субъекта, акцентирующая значение предметности, включает в себя суверенность и транспарентность: субстанциальность выражается в познавательной и практической автономии, предполагающей в то же время и транспарентность, поскольку именно она позволяет субъекту обнаружить в себе ту инстанцию, которая, с одной стороны, гарантирует его доступ к универсальному (объективности в познании и норме в этике), с другой стороны, является имманентной властной инстанцией. Но, подчеркивая в свою очередь именно субстанциальность субъекта, она выявляет проблематичность однозначного отнесения некоторых конкретных моделей, например, экзистенциально-феноменологической, к неклассическим.

Проблема субъекта признается магистральной, а некоторыми исследователями, в частности А. Бадью, конституирующей и организующей формирование современной французской философии. Хронологически возникновение данной философской традиции относится к первой трети XX века: по мнению А. Бадью, эта традиция начинается с философии А. Бергсона и Л. Брюнсвика, по мнению В. Декомба – с философской рецепции «Феноменологии духа» Гегеля в творчестве А. Кожева, по мнению Ф. Везена – с рецепции философии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера.

На мой взгляд, специфика неклассической модели субъекта в современной французской философии может быть выражена следующим обра-

зом: формируясь в рамках оппозиции классической модели, она элиминирует субстанциальность субъекта в демонстрации его подчиненности и сформированности его языковыми практиками; с семантической точки зрения она акцентирует в понятии субъекта значение подчиненности в противовес значению предметности. Наиболее репрезентативные модели субъекта формируются в философии Жака Лакана и Мишеля Фуко.

В неклассической модели субъекта, представленной в современной французской философии, критика субстанциальности субъекта реализуется в двух стратегиях: 1) опровержение принципа единства и тождественности сознания путем обоснования принципиальной гетерогенности субъекта, расщепления его на ряд активных формаций (эта стратегия реализуется в структурном психоанализе Жака Лакана как обоснование эксцентричности Я субъекту); 2) утверждение гетерономии субъекта, т.е. его сформированности властью и нормами, источником которых оказываются внешние ему инстанции (данная стратегия реализуется преимущественно в философии Мишеля Фуко). Стоит подчеркнуть, что опровержение единства сознания субъекта и отрицание его автономии есть в обобщенном виде следствия развития гипотезы внешнего (будь то бессознательное, воля к власти или производственные отношения, реализующиеся в идеологической ангажированности мышления), мотивирующего производство любого дискурса. Эта гипотеза присутствует в обобщенной неклассической модели субъекта, но не определяет специфику именно французского ее варианта. Именно акцентуация подчиненности и сформированности субъекта языком или дискурсом выделяет французскую неклассическую модель субъекта.

В связи с этим необходимые этапы становления данной модели субъекта отмечаются введением проблематики подчиненности в модель субъекта и обоснованием субъективности как имеющей свое основание в языке. Именно данные теоретические трансформации создадут почву для формирования двух конкретизаций неклассической модели субъекта в современной французской философии: модели, обосновывающей подчиненность субъекта исходя из экспликации онтогенетического соотношения субъекта и языка (модель, представленная в структурном психоанализе Ж. Лакана); модели, которая в обосновании подчиненности субъекта исходит из культурно-исторического и политического соотношения субъекта и языка, демонстрирует сформированность субъекта конкретными, исторически фиксируемыми дискурсивными практиками (в философии М. Фуко).

Литература

1. *Балібар Е., Кассен Б., Лібера А. Sujet* // Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Том перший/ Під керівництвом Б.Кассен. К., 2009.С. 148-173.
2. *Декомб В.* Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица / Пер. с фр. М.Голованивской. М., 2011.
3. *Рено А.* Эра индивида. К истории субъективности./ Пер. с франц. С.Рындина под ред. Е.Самарской. СПб., 2002.